

УДК 343.1

ФИЛОСОФСКИЕ И ЭТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ ПРИМЕНЕНИЯ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ СПОСОБОВ В РАЗРЕШЕНИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО КОНФЛИКТА

Людмила СИМОНЦЕВА,

аспирант кафедры отраслевого права историко-юридического факультета
Херсонского государственного университета

АННОТАЦИЯ

В статье анализируются основные философские и этические учения о сущности наказания как способа разрешения уголовно-правового конфликта. Осуществляется исследование генезиса представлений о необходимости перехода от концепции ретрибутивизма к либеральным концепциям решения уголовно-правового конфликта. Автором рассматриваются позиции философов и теоретиков права относительно сущности и действительности наказания и альтернативных способов разрешения уголовно-правового конфликта. Сделаны выводы, что формирование понятия об альтернативных способах разрешения уголовно-правового конфликта в юриспруденции осуществлялось на нескольких уровнях: институционально-правовом, публично-властном и духовно-нравственном.

Ключевые слова: уголовно-правовой конфликт, ретрибутивизм, консеквенциализм, утилитаризм, альтернативные средства разрешения уголовно-правового конфликта.

PHILOSOPHICAL AND ETHICAL CONCEPTS OF APPLYING ALTERNATIVE WAYS TO RESOLVE CRIMINAL LAW CONFLICT

Lyudmila SIMONTSEVA,

Postgraduate Student at the Department of Branch Law of the Faculty of History and Law of Kherson State University

SUMMARY

The article addresses main philosophical and ethical teachings on punishment as a way to resolve a criminal law conflict. This research deals with the genesis of ideas on changing the concept of retributivism into liberal approach to resolve a criminal law conflict. The author considers the ideas of philosophers, law theoreticians regarding the nature and effectiveness of punishment and alternative ways to resolve a criminal law conflict. It is concluded that development of the concept of alternative ways of resolving a criminal law conflict in jurisprudence was carried out at several levels: institutional and legal, public and power, spiritual and moral.

Key words: criminal law conflict, retributivism, consequentialism, utilitarianism, alternative methods to resolve a criminal law conflict.

Постановка проблемы. Научные исследования альтернативных способов решения уголовно-правового конфликта занимают в юридической науке достаточно важное место. Соотношение преступления и наказания долгие годы является вопросом, который ставят перед собой как зарубежные, так и отечественные исследователи. В свете формирования концепции гуманизации наказания, обеспечения прав и свобод человека этот вопрос становится все более острым. Именно поэтому его обоснованность требует более конкретного изучения как исторических, так и существующих ныне научных позиций.

Цель и задачи статьи. Целью статьи является изучение основных философско-правовых и этических позиций относительно традиционных и альтернативных средств разрешения уголовно-правового конфликта. Для достижения цели мы поставили перед

собой ряд задач, а именно рассмотреть периодизацию формирования представлений о средствах разрешения уголовно-правового конфликта и конкретизировать её посредством анализа позиций учёных, которые разрабатывали данную проблему.

Состояние исследования. Анализ альтернативных средств разрешения уголовно-правового конфликта в большей степени осуществляется в контексте анализа теории наказания. Их исследованием занимались многие философы прошлого: Платон, Аристотель, Гераклит, Леонардо Бруни Аретино, Иммануил Кант, Вильгельм Фридрих Гегель, Фрэнсис Брэдли и другие. На современном этапе этот вопрос раскрывается в работах Ю.В. Баулина, В.И. Борисова, Р.А. Вереси, М.О. Геревича, О.В. Карягиной, К.Ю. Лоенко, В.В. Сташиса, В.Е. Суденко, В.И. Тютюгина и других. Однако в историческом контексте

развитие учения непосредственно об альтернативных средствах разрешения уголовно-правового конфликта не имеет достаточного количества исследований.

Изложение основного материала.

Обзор научных источников даёт нам основания полагать, что решение уголовно-правового конфликта с использованием альтернативных средств основывается на нескольких, обусловленных генезисом общественных отношений, философских и этических концепциях. Эти философские аргументации, сложившиеся в конце XIX – начале XX века, образовали концепцию мировосприятия, которая дала толчок для преобразования современной теории правопонимания с позитивистской в природно-правовую. Они вывели идеи прав человека, правового государства и гражданского общества на уровень цивилизационных достижений. В частности, формирование

теории альтернативного решения уголовно-правового конфликта имеет тесную связь с изменением философско-этических взглядов на справедливость и сущность наказания, которое чаще всего выступает конечной целью решения уголовно-правового конфликта.

Как известно, философско-правовые концепции исторически выступали определённым отражением связей между преступностью, системой наказаний и отношением общественности к этим явлениям. Они влияли на позицию законодателя по формулированию цели наказания. По этому поводу Я.М. Сацак устанавливает, что вся история перехода от родоплеменного общества к территориально-общественному представляет собой поиск возможностей преодоления конфликта между социальными слоями. В данном поиске возможностей преодоления конфликта принимали участие выдающиеся мыслители того времени – Платон, Аристотель, Гераклит и другие, которые пытались найти основополагающие идеи создания социально-справедливого государства. При этом они формировали философско-правовые мировоззренческие принципы, на основании которых можно было на должном уровне регулировать отношения между людьми [1, с. 118]. Следует добавить, что формирование указанных философско-правовых основ не прекращается и сейчас, влияя на сущность правопонимания и правового регулирования общественных отношений. При этом осуществляется поиск новых и совершенствование старых юридических приёмов и способов, с помощью которых решаются юридические конфликты.

Обращение к эволюции идей по применению альтернативных средств решения уголовно-правового конфликта позволило современным исследователям создать периодизацию, которая состоит из следующих этапов: а) античного, основанного на греко-римском правовом наследии; б) западно-европейского, основанного на христианской философско-правовой и теологической традиции; в) буржуазного, который характеризуется становлением государственного самоуправления, при котором решение правовых конфликтов осуществлялось

местным сообществом с использованием примирительной процедуры; в) европоцентристского (конец XIX – начало XX века), когда происходила либерализация западноевропейского правосудия путём внедрения моделей «неофициальной юстиции», «феминистических теорий правосудия», «восстановительного правосудия» и др. [2, с. 10].

Для упрощения процесса конкретизации вышеприведённой периодизации считаем необходимым занять позицию группы отечественных учёных, которые определяют наличие двух основных видов философско-правовых теорий, касающихся сути наказания: а) абсолютные теории наказания (теория возмездия) и б) относительные теории наказания (теории достижения полезной цели) [3, с. 55; 4, с. 322–323].

Абсолютные теории наказания основываются на концепции возмездия, так называемом принципе талона, согласно которому наказание преступнику должно нанести такой же вред, как и пострадавшему. В частности, эту идею можно проследить в законах Хаммурапи, где определяется, что наказание есть возмездие за вину и должно быть равным преступлению [5]. Например, повреждение глаза у потерпевшего должно повлечь за собой повреждение глаза обидчика.

В XIII веке итальянский гуманист Леонардо Бруни Аретино определял, что справедливо то, что происходит в соответствии с законом, поскольку закон требует проявления различных добродетелей и запрещает проявление любых пороков. По его мнению, справедливость должна проявляться через соотношение преступления и наказания [6]. Подобную мысль можно проследить у другого итальянского гуманиста эпохи Возрождения Поджо Браччолини, который писал, что «обязанность справедливости состоит в том, чтобы предоставить каждому по его деяниям, то есть наградить или наказать» [6].

Главным сторонником теории возмездия считается И. Кант, который писал, что назначение наказания лицу, совершившему преступление, является следствием признания вины за таким лицом и вытекает из положения о виновности ответственно-

го. При этом применение уголовного наказания к преступнику Кант рассматривал как осуществление справедливости. По его мнению, понятие карательной справедливости принадлежит только государственной власти и вытекает из идеи государственной организации людей. При этом философ определяет, что наказание (карательная справедливость) должно соответствовать причинённому преступлением ущербу. Он предлагает, например, применение кастрации преступника в случае совершения половых преступлений и причинение ему смерти в случае убийства [7, с. 43–45].

Подобную позицию можно увидеть и у В.Ф. Гегеля [8], которая получила название теории диалектического возмездия. Согласно ей, наказание выступает логическим процессом нарушения права. Устанавливая сущность права в виде внеразумной воли, философ определял, что воля, нарушающая право, противоречит сама себе, вызывает противоречие, которое необходимо уничтожить с помощью наказания. Он отмечал, что наказание является возмездием, устранением принуждения, которым выступает насилие в виде преступления. Таким образом, в философии Гегеля о наказании можно проследить реализацию закона отрицания отрицания. Совершая преступление, преступник отрицает право, в свою очередь, государство, применяя наказания, отрицает действия преступника как правовые. Соответственно, наказание должно иметь определённый объём и качество. Однако, в отличие от И. Канта, Г. Гегель определял, что наказание должно соответствовать виновности преступника, но это не означает, что оно обязательно должно быть тождественным содеянному.

Концепция наказания как возмездия прослеживается и в работе английского философа Фрэнсиса Брэдли «Этические исследования». Философ не разделяет мнений древних учёных, в которых наказание является средством для достижения блага государства или индивида. Осуществляя сравнение «народного» и философского понимания ответственности, автор приходит к выводу, что обычному человеку присуще правильное понимание взаимосвязи между наказанием

и виной, соответственно наказание является наказанием только в том случае, если оно заслуженное. Ф. Брэдли устанавливает, что наказание – это получение того, что заслуживает преступник и оно оправдано только как заслуженное [9, с. 63].

В начале XX века в научных кругах произошла смена философских концепций относительно соответствия содержания наказания и его цели. Во-первых, несмотря на тяжесть наказания, оставались неизменными, а то и повышались темпы роста преступности. Ожидаемые результаты в виде исправления и реадaptации преступника в большинстве своём так и остались теорией. Например, уголовная политика Украины во времена СССР основывалась на концепции, которая определяла применение наказания в виде лишения свободы как такое, что способно положительно повлиять на снижение уровня преступности. В частности, удельный вес лиц, осуждённых к наказаниям в виде лишения свободы, составлял в 60-е годы XX века 53–66% от общего числа осуждённых. Как известно, такие репрессивные показатели не влияли позитивно на уровень преступности, усиливая напряжение в советском обществе. Таким образом, концепция ретрибутивизма (карательного правосудия), основанная на кантовской концепции возмездия с целью восстановления нарушенного равновесия, не доказала свою эффективность [2]. Это привело к изменениям в философских и научных взглядах на постоянную уголовно-правовую дихотомию «преступление – наказание» и повлекло за собой борьбу этических позиций в уголовно-правовой доктрине.

Также в свете формирования социологических и либеральных позиций в уголовном и уголовно-процессуальном праве учёные все больше утверждались в том, что потерпевший, как сторона уголовно-правового конфликта, только в весьма незначительных случаях получает удовлетворение материального и ещё меньше нравственного характера. И это удовольствие не зависит от применения наказания к преступнику в той мере, которая ожидалась сторонниками концепции ретрибутивизма. Было установлено, что чувство гнева, вины

и уязвимости, присущие жертве преступления, которые мешают ей в дальнейшем нормально жить в социуме, не всегда исчезают только из-за того, что обидчик понёс определённое законом наказание [10, с. 18–19].

Таким образом, невозможность активно влиять на ход уголовного процесса и его результаты не даёт потерпевшему, как его участнику, морально-го удовлетворения. Следует заметить, что и обвиняемый в уголовном процессе чаще всего был (а в отдельных правовых системах и сегодня) лишён возможности влиять на ход и результаты уголовного производства, что не даёт ему возможности исправить последствия поступка или минимизировать их, а также самореабилитироваться.

Соответственно, в контексте концепции карательного правосудия полная зависимость позиций участников уголовного судопроизводства от процессуальных норм уменьшает для них общественную ценность задач уголовного процесса. То есть вся результативность уголовного процесса сводится к удовлетворению потребностей государства в реализации правоохранительной функции, но лишает потерпевшего и виновного даже минимального контроля над ситуацией, делает их безвольными составляющими государственного воздействия на общественные отношения.

Критика такой позиции чётко прослеживается в работах зарубежных учёных. В частности, норвежский криминолог Н. Кристи во второй половине XX века определял, что государство лишило человека возможности самому решать свои конфликты, превратив отношения главных участников судопроизводства – жертвы и правонарушителя – в отношения государства и правонарушителя. В частности, автор определяет, что конфликты становятся собственностью адвокатов. Адвокаты не скрывают, что у них в руках решение всех проблем и этому способствует судебная система, которая не позволяет противоборствующим сторонам контролировать процесс, создавая привилегированную организацию для обработки конфликтов [11, с. 4].

Необходимость решения этой ситуации привела к тому, что тради-

ционная, основанная на кантовской морали, ретрибутивная концепция наказания столкнулась со сторонниками относительных теорий наказания. Единство позиций сторонников относительных теорий основывается на том, что наказание предусматривает в себе достижения определённой полезной цели – удержание других членов общества от совершения преступления или исправление осуждённого [3, с. 55]. Оно может рассматриваться как исправление или запугивание, а также как фактор психологического принуждения или предотвращения уголовно-правовых конфликтов в будущем.

Универсализация и популяризация относительных концепций наказания, по нашему мнению, тесно связана с изменением представлений не только о сущности наказания и справедливости, но и роли в нём государства. Относительные концепции цели наказания тесно переплетаются с либеральными позициями конца XVIII – начала XIX века. В частности, с работами Вильгельма фон Гумбольдта, Лоренца фон Штейна, Алексиса де Токвиля, Джона Стюарта Милля и других, в которых определялось, что общество и лицо более важны, чем государство, в них формировалась концепция правового государства.

Изучая относительные концепции наказания следует отметить, что научная и законодательная идеализация наказания виновного для его исправления также известна с давних времён. Концепция наказания как исправления происходит от Платона. В 9 книге «Законов» он определяет, что «... по закону ни одно наказание не имеет целью причинение зла. Нет, наказание осуществляет одно из двух действий: оно делает наказанного или лучшим, или менее испорченным...» [12]. Философ признавал преступников морально больными людьми, возлагая на правосудие задачу лечения их душ. Его концепция основывается на трёх постулатах, которые трактуются учёными в современных концепциях уголовно-правового наказания. В частности, А.Ф. Фролова определяет, что первым постулатом Платона является то, что склонность к преступлению является душевной болезнью, вторым – наказание за

преступление является лекарством, которое является не вкусными, но полезными. И третий постулат устанавливает, что так называемым «врачом» для нарушителя должно быть государство [13, с. 106].

В качестве примера диалектики относительных концепций можно представить теорию психологического принуждения, изложенную немецким философом Ансельмом фон Фейербахом, который определял, что преступление вызывает у личности чувство удовлетворения. В связи с этим наказание должно вызывать у личности большее недовольство, чем то удовольствие, которое она получила, совершая преступление. Следовательно, по мнению философа, назначение наказания должно осуществляться в соответствии с тяжестью совершенного деяния [14, с. 264–265; 3, с. 56]. Следует отметить, что позиция А. Фейербаха также перекликается с концепцией утилитаризма, предложенной И. Бентамом [15, с. 53–54]. И. Бентам считал, что только удовольствие имеет в жизни человека высшую ценность. Поэтому концепция карательного правосудия является неудовлетворительной. Она пропагандирует принуждение к страданию без какой-либо компенсации в виде увеличения количества счастья. Соответственно, ретрибутивизм приводит не к уменьшению, а к увеличению страданий в мире. Таким образом, позиции утилитаристов в отношении наказания были однозначными – наказание оправдано только в том случае, если оно влечёт за собой хорошие результаты, превышающие плохие последствия непосредственного применения наказания [16, с. 208].

Утилитарная концепция стала преобладающей в англо-американской юридической доктрине XX века, ставя акцент на перевоспитании осуждённых и продвигая идею исправления во время пребывания в исправительных учреждениях (“correctional facility”). Однако она имела как своих сторонников, так и противников. Это дало возможность для появления так называемых промежуточных позиций между утилитаризмом и ретрибутивизмом, которые были изложены в работах Дж. Ролза и Х. Харта и в дальнейшем получили название консеквенциализма.

Понятие консеквенциализма происходит от латинского слова *consequens* – «следствие, вывод, результат» и сочетает в себе группу этических учений, которые определяют критерием нравственности поведения полученный результат (консеквент) [17]. Таким образом, любое действие может быть оправдано, если приведёт к необходимому результату.

В частности, исследования Х. Хартом императивной сущности права [18] привело его к выяснению этических принципов обязательности человеческого поведения, поскольку последнее тесно связано с выполнением приказов и применением насилия. Пытаясь выйти за пределы понимания права как олицетворения категорий «порядок», «угроза», «наказание», привычка» и «всеобщность», предложенного Дж. Остином и О. Контом, Х. Харт приходит к выводу, что понимание права как принудительных приказов должно измениться на право, выступающее сочетанием правил, которые налагают обязанности и предоставляют права [18, с. 50, 96–98]. В своей работе Х. Харт также затрагивает вопрос справедливости, акцентируя внимание на том, что категории «справедливость» и «несправедливость» по отношению к закону, судебному решению и человеческому поступку трактуются по-разному. Это объясняется позицией, по которой очерченные действия характеризуются моральными категориями «честный-нечестный» или «хороший-плохой». Со своей стороны, Х. Харт с целью воспроизведения истинного понятия справедливости как идеи восстановления баланса предлагает занимать по отношению к индивидам позицию «равный – неравный» во время распределения благ и привлечения к ответственности за проступок [18, с. 160–163].

Джон Роулз в своей «Теории справедливости» [19] в противоположность Х. Харту рассматривает категорию «справедливость» как честность. По его мнению, именно справедливость как честность имеет сильные аргументы в пользу принципа равной свободы совести, который, в свою очередь, уравнивает категории терпимости и общего блага. На основании этих умозаключений философ

также пытается найти наиболее справедливую реализацию максимы относительно трактовки всех одинаковых случаев одинаково, ища идеал справедливости между позитивистским пониманием права и предписаниями естественного права [19, с. 210].

Также в работе Дж. Ролза наше внимание в контексте применения альтернативных средств для решения уголовно-правового конфликта привлекает авторская концепция эмоций и реакций, которые формируются на базе нравственности личности и проявляются во время совершения проступка. В частности, исследователь определяет, что проступок влечёт за собой чувство вины и стыда (моральные чувства), от которых в большинстве случаев личность желает избавиться. Одним из таких способов является облегчение вины путём возмещения и прощения с целью получения доверия или дружбы [19, с. 422–424]. Понятно, что доверие или дружба со стороны лица, которому был нанесён ущерб путём совершения уголовного проступка, не рассматривались в концепции Дж. Ролза как конечная цель решения уголовно-правового конфликта. Однако эта позиция о возможности отбывания наказания другим способом, кроме причинения страдания, по нашему мнению, вошла в состав концепции восстановительного правосудия.

В итоге следует определиться с тем, что кризис традиционной концепции наказания, хотя и породил новые идеи относительно реакции общества на совершение преступлений небольшой тяжести, однако, предложенные для их реализации меры в зарубежной науке не имеют ничего общего с классической уголовной юстицией. То есть в большинстве это альтернативные средства, призванные решить уголовно-правовой конфликт без наступления таких последствий, как уголовное преследование, уголовная ответственность и наказание. Известный в Украине консультант по вопросам уголовного правосудия Говард Зер назвал эти изменения в западной и американской уголовно-правовой традиции «изменением объектива» во взгляде на преступление и правосудие [10],

что достаточно точно отражает переход от традиционного уголовного правосудия к восстановительному.

Выводы. Итак, анализ идей изучения и внедрения альтернативных способов решения уголовно-правового конфликта в отечественных и зарубежных учениях позволил нам рассмотреть их в нескольких измерениях: а) институционально-правовом, как учитывающих частные и публичные интересы в процессе восстановительного правосудия; б) публично властным, как форму решения политических и правовых конфликтов между государством и обществом; в) духовно-нравственном, как процедуры разрешения уголовно-правового конфликта без применения принуждения и с минимизацией вмешательства со стороны государства, с утверждением ценностей справедливости, гуманизма, равенства и т.д.

Таким образом, использованные в совокупности философско-правовые и этико-нравственные подходы сформулировали современную теоретическую модель применения альтернативных средств решения уголовно-правового конфликта с учётом исторического опыта.

Список использованной литературы:

1. Сацак Я.М. Проблема зла і примусу в праві. *Проблеми філософії права*. Том VIII–IX. Київ–Чернівці : Чернів. нац. ун-т, 2012. С. 117–124.
2. Карягина О.В. Эволюция идей примирения и посредничества при разрешении правовых конфликтов в государственно-правовых учениях XIX–XX вв. : автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2013. 23 с.
3. Вереша Р.А., Лоенко К.Ю. Мета покарання: теорії (концепції), історія та сучасний стан. *Вісник Академії адвокатури України*. 2010. № 2(18). С. 54–61.
4. Кримінальне право України: Загальна частина : підручник / Ю.В. Баулін, В.І. Борисов, В.І. Тютюгін та ін.; за ред. проф. В.В. Сташиса, В. Я. Тація. 4-те вид., переробл. і допов. Харків : Право, 2010. 456 с.
5. Законы Хаммурапи URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/hammurap.htm> (дата обращения: 21.08.2019 р.).
6. Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (XV век). / Под ред. Л.М. Брагиной. Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1985, 384 с. URL: http://yakov.works/acts/15/3/human_00.htm (дата обращения: 22.08.2019 р.).
7. Суденко В.Е. Справедливость и наказание по И. Канту. *Вестник асоціації вузов туризму і сервісу*. 2010. № 3. С. 42–47.
8. Гегель Г.В.Ф. Основы философии права, або Природне право і державознавство / пер. з нім. Київ : Юніверс, 2000. 336 с.
9. Брэдли Ф.Г. Этические исследования / Пер. с англ. Д. Бабушкиной. Изд-во Русской христианской гуманитарной академии. 2010. 421 с.
10. Зер Г. Зміна об'єктива: новий погляд на злочин та правосуддя / Пер. з англ. М. Яковлева. Київ : Унів. вид-во «Пульсари», 2004. 224 с.
11. Christie N. Conflicts as property. *British Journal of Criminology*, 1977. P. 1–15, URL: <https://criminologiacabana.files.wordpress.com/2015/10/nils-christie-conflicts-as-property.pdf> (дата обращения: 24.08.2019 р.).
12. Платон. Законы. URL: <http://lib.ru/POEEAST/PLATO/zakony.txt> (дата обращения: 23.08.2019 р.).
13. Фролова О.Г. Злочинність і система кримінальних покарань (соціальні, правові та кримінологічні проблеми й шляхи їх вирішення за допомогою логіко-математичних методів) : навчальний посібник. Київ : АртЕк, 1997. 208 с.
14. Харитонова О.В. Класична школа кримінального права. *Вісник Асоціації кримінального права України*. Електронне наукове видання. Випуск 1(8). 2017. С. 263–267.
15. Масликова И.И. Трансформации современного этического консеквенциализма: от гедонистического утилитаризма к утилитаризму желания. *Вісник НГУУ «КП»*. *Філософія. Психологія. Педагогіка*. 2015. Випуск 1. С. 51–56.
16. Моисеев С.В. Философия права. Курс лекций. 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск : Сиб. унив. изд-во, 2004. 262 с.
17. Консеквенциализм // Политология. Словарь. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/politology/3762/КОНСЕКВЕНЦИАЛИЗМ> (дата обращения: 14.08.2019 р.).
18. Харп Г. Концепція права. Київ : Сфера, 1998. 238 с.
19. Ролз Джон. Теория справедливости / Под ред. проф. В.В. Целищева. Новосибирск : Издательство Новосибирского университета. 1995. 500 с. URL: https://baumands.files.wordpress.com/2011/02/24_rawls_theory_of_justice.pdf (дата обращения: 24.08.2019 р.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Симонцева Людмила Александровна – аспирант кафедры отраслевого права историко-юридического факультета Херсонского государственного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Simontseva Lyudmila Aleksandrovna – Postgraduate Student at the Department of Branch Law of the Faculty of History and Law of Kherson State University

mariyanna@i.ua